Семиотический компонент в обыденной практике субкультуры детства

Суворкина Е. Н.
Россия, Рязань, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, кандидат культурологии

В статье анализируется семиотический компонент в структурных элементах одного из двух морфологических уровней субкультуры детства – обыденного, который создается за счет деятельности ребенка. Совокупность знаково-символьных систем каждой единицы образует семиосферу пространства детства.

Ключевые слова: *субкультура детства, детство, ребенок, морфология субкультуры детства, обыденный уровень, игра, нормотворчество, семиотика, знак, семиосфера.*

Морфология субкультуры детства представлена двумя уровнями – обыденным и специализированным, каждый из которых включает совокупность структурных элементов. Обыденный уровень образуется за счет деятельности самого ребенка, тогда как специализированный основывается на действии взрослого, вектор которого направлен на ребенка. Одной из общих характеристик, присущих обоим уровням, является семиотический компонент.

В настоящем исследовании будет проанализировано его место, специфика в обыденном уровне, поскольку феномен семиосферы субкультуры детства, а также детского консенсуса в этом контексте наиболее интересен и наименее изучен.

Носителем субкультуры детства является детское сообщество. А взаимодействие индивидов, его образующее, базируется на *договорном начале*. Обучение основам начинается родителями с момента первого *со*-действия родного ребенка с другими детьми. Как правило, вначале оно имеет меновую специфику: чтобы поиграть чужой заинтересовавшей игрушкой, он предлагает свою. Этот обмен носит кратковременный возвратный характер. В дальнейшем формы коммуникативных процессов усложняются, но их продуктивность будет по-прежнему базироваться на умении заключать договор, консенсус, который бы за-

креплял права на действия одного ребенка, но с учетом прав другого. Договор – это норма, выражение процесса нормотворчества в субкультуре детства. Данный элемент обыденной практики оказывается включенным в другие структурные единицы уровня, поэтому важно говорить об их консенсусной составляющей, принимающей в ряде случаев семиотическую форму, как знак, символ.

Знак, согласно определению Н. Б. Мечковской, «это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации» [6, с. 23]. Знак включает: план выражения (материальная позиция) и план содержания (идеальная позиция).

В определении употреблено слово «заместитель»; данный феномен в свою очередь может иметь две формы репрезентации – субститут, как полный заменитель, и эрзац – неполный. В отношении знака целесообразнее говорить о второй форме, на что есть две причины. Во-первых, ввиду своего материально-идеального характера он изначально не претендует на функцию некоего дублета, полного заменителя, поскольку сам замещаемый объект не имеет бинарной природы. Во-вторых, содержанием знака является не предмет как таковой, а именно представление о нем.

Так, в игре дочки-матери продукты питания имеют комплекс заместителей в региональной флоре ввиду своей условной внешней схожести по цвету / форме. Например, осот – «означает» лук, стручки акации – стручки гороха, листья одуванчика – рыбу и пр. Представление, фокусируемое посредством фантазии, воображения в знаке, создает для ребенка практически реальный предмет, что требует и соответствующих практических действий. Например, играющий в роли матери «готовит» своей «дочке» «какао» – размешивает в воде глину (если «кофе», то землю). Напиток по внешнему виду действительно имеет некое подобие оригинала, создает представление о настоящем какао, вследствие чего ребенок может сделать глоток этой жидкости.

Существуют различные классификации знаков. Если брать во внимание материальный характер плана выражения, то наиболее распространенными группами знаков в субкультуре детства являются: слуховые (свист у мальчиков может означать предупреждение об опас-

ности), тактильные (касание в игре как знак того, что ребенка посалили и он становится во´дой), оптические (загаданный предмет в процессе игры объясняется без слов, с помощью жестов), вкусовые (угощение другого ребенка конфетой как знак особого расположения к нему, дружбы); обонятельные знаки представлены менее.

Еще одна классификация была разработана Ч. С. Пирсом, в основу которой положен способ выражения, характер связи «означающий – означаемый»: символические (знаки-символы), иконические (знаки-копии), знаки-индексы. О символе вещи А. Ф. Лосев говорил, как о ее законе, благодаря которому она приобретает упорядоченность, «идейно-образное оформление» [3, с. 259]. В субкультуре детства имеют место все три группы, но наиболее представлена вторая. Знаки-копии обладают определенным сходством с обозначаемым предметом, создают четкое представление о нем (например, детские рисунки, на которых изображен человек, дом и пр.; на рис. 1 – черепаха (Кирилл А., 6,5 лет)).

Рисунок 1

В большинстве случаев формирование системы знаков, необходимой как человечеству в целом, так и детскому сообществу в отдельности, базируется не на трех процессах – опредмечивание, распредмечивание, сотворчество, а на первых двух, поскольку в противном слу-

чае дополнительная интерпретация мешала бы правильному и точному прочтению.

Знаковая система, как выражение договорного начала, занимает важное место в таком элементе обыденной практики детства, как *игра*. Несмотря на существенные изменения, произошедшие в последние десятилетия в связи с активным внедрением информационных технологий, большое количество традиционных элементов сохраняет востребованность.

Так, до сих пор остается актуальной вербальная формула, входящая в *нормотворческую систему*: «Чур, я в домике!». Она дает гарантию, что ведущий не сможет посалить или произвести какое-либо иное действие игрового характера, в результате которого произойдет смена ведущего.

Эта формула имеет и знаковое дополнение: при ее произнесении ребенок присаживается и складывает руки над головой в виде крыши или, стоя, скрещивает руки на груди. Данные знаки носят запретительный характер, о чем известно всем играющим в результате принятого соглашения. Перекрещенные элементы как выражение запрета, конца имеют место не только в игровом пространстве детства (например, элемент сервировочной культуры). А образ дома есть выражение (символ) защиты, безопасности.

Ю. М. Лотман заключал, что в любом символе содержится архаический элемент [4, с. 147; 5, с. 213]. Дом издавна являлся местом, где человек испытывает чувство покоя, защищенности от телесных и бестелесных врагов. Им придумана система мер по охране домового пространства. И в этой связи особое, сакральное значение приобрели его границы, поскольку за ними начинается другой, враждебный мир. До настоящего момента в сохранившихся поверьях, приметах зафиксировано, в частности, представление о пороге как символе переходности, который негативно влияет на совершаемые действия над ним (здороваться, отдавать долг и пр.).

Следы архаичной культуры в субкультуре детства встречаются достаточной часто, в связи с чем ее семиотический компонент приобретает более глубокую интерпретацию. В этом отношении представляет значительный интерес и сама вербальная формула, а именно обращение – Чур. Но поскольку это, к сожалению, не является темой настоящего

исследования, то ограничимся лишь кратким пояснением, что Чур (Щур) – это бог границ, в том числе домового пространства.

В продолжение разговора о семиотическом компоненте в игре следует обозначить и некогда популярную игру казаки-разбойники, в которой знаки направления движения (знаки-символы) рисовали на асфальте, стенах домов и других местах.

В целом в игре знаки выполняют большую функциональную нагрузку. Если проанализировать, к примеру, методические рекомендации за 1924 год по проведению игр просоветского характера среди детей в Тамбовском крае, то обнаружится присутствие знаков в большинстве из них. Так, в игре «Преследование» знаками гранаты выступают еловые шишки и снежки; в игре «Фабриканты и рабочие» любой предмет – это фабрика и т. п. (см.: [2, с. 126-129]).

Семиотический компонент имеет место в *мифотворчестве,* элементе обыденной практики, базирующемся на воображении. Соответственно, в данном случае миф, имеющий в своей основе символьно-образную природу, принимает форму игры. Упрощенно это может выражаться в «магии», в проигрывании, в частности, эпизодов поттерианы (заклинания, ритуалы и пр.). Так, борьба со Змеем Василиском являлась символом борьбы со злом (Волан-де-Мортом). Важно подчеркнуть наличие и в данном случае архаического элемента. В отечественной детской обыденной практике длительное время была популярна игра в Яшу (ящера), этимология которой подробно рассмотрена Б. А. Рыбаковым (см.: [9, с. 161, 277]).

В результате синтеза двух элементов обыденной практики – игры и мифотворчества, носящего не только воспроизводящий характер, образуется единица *игра-фантазирование*, которая репрезентуется в конструировании ребенком вымышленного мира. Одним из его основополагающих начал также является создание определенной знаковой системы. О символической природе говорит, в частности, С. Б. Борисов, отмечающий, что вымышленная страна – это «страна, созданная силой интеллектуальной фантазии, предмет импровизационно-творческой, преимущественно мысленно-символической игры» [1, с. 124]. По своему существу этот мир выступает фантазийным эрзац-миром, который выстраивается как антипод и вместе с тем как перевернутый аналог реальному миру отдельным ребенком (индивидуальное творчество) или группой детей (коллективное творчество).

Наиболее распространенной формой выражения такого мира является так называемая «страна». Одним из самых известных образцов считается Швамбрания, созданная в детстве двумя братьями Кассиль – Львом и Осипом. В детском мифотворчестве, выраженном в данной форме, сосредоточены преимущественно образы в рамках семиотического подхода.

А у Р. Л. Стивенсона, автора знаменитых романов «Остров Сокровищ» и «Черная стрела», большой интерес представляет сборник «Детский цветник стихов». В представленных стихах и балладах зафиксировано воспоминание автора о его вымышленных мирах: «Диван – это горы, а море – ковер. // Мы город построим близ моря, у гор…» (стихотворение «Город из деревяшек») [10, с. 496].

Поскольку знаком выступает и буква, слово, то семиотическая составляющая присутствует и в *словотворчестве*. Но здесь возникает проблема, решение которой имеет принципиальное значение. В науке существует позиция, согласно которой за семиотическую единицу в языковом континууме принимается предложение. Так, Е. С. Никитина, рассматривая язык, его происхождение, развитие как семиотическую проблему, констатирует, что интерес представляют именно предложения-высказывания, которые постоянно создаются и требуют соответствующего, точного понимания. Но при этом она подчеркивает: «Нам почти никогда не приходится создавать новые слова, и большинство предложений, которые мы слышим, не требуют от нас понимания каких-то новых слов» [7, с. 205].

Различие в понимании структурообразующих единиц имеет следствием отличное друг от друга обозначение творческого процесса: с одной стороны, это словотворчество, а с другой, языкотворчество (речетворчество у П. А. Флоренского). Следует отметить, что и во втором случае отдельные ученые не рассматривают данные понятия в качестве синонимов, считая невозможным, например, языковое творчество (М. М. Бахтин) [11, с. 117].

Возвращаясь к проблеме исследования семиотического компонента в субкультуре детства, мы считаем целесообразным отталкиваться от такой структурной единицы, как слово, поскольку очень часто (особенно в раннем возрасте) ребенок пытается вместить в него большой объем информации, включающей различные сведения о предмете, явлении и / или личные эмоции. По смысловой перегруженности окка-

зионализм в отдельных случаях может быть тождествен целому предложению. Посредством таких слов детская картина мира приобретает опредмеченный характер.

Таким образом, в субкультуре детства семиотической единицей языкового конструирования выступает слово; в свою очередь процесс обозначается как словотворчество. Но в данном акте ребенок сталкивается с рядом проблем: во-первых, словесная этикетка, придуманная им, может быть уже создана, но не отражать, по его мнению, сущность предмета, явления; во-вторых, слово, сконструированное по выбранной модели, имеющей место в конвенциональном языке, оказывается неправильным и пр.

В результате ребенок сталкивается с тем, что его новообразования оказываются не принятыми миром взрослых. На первый взгляд, это имеет единственное объяснение – его окказионализмы не соответствуют языковой системе, нарушают ее. Но в рамках семиотического подхода ответ сосредоточен в характере самого языка – конвенциональности, то есть базируется на договорном начале. Ребенок не может заключить в этом отношении договор со взрослым, но при этом на уровне «ребенок – ребенок» в детском сообществе обладает такой возможностью, что в обыденной практике находит выражение, например, в *шифрах, кодах, детском арго*.

При этом отдельные продукты детского словотворчества определяются как некая заумь. Наиболее очевидный характер она приобретает в так называемых считалках – «заумных» (данная единица входит в такой элемент обыденной практики, как *фольклор*). Аналогичным понятием обозначается и речетворчество футуристов. Базовой единицей зауми является звук. Хотя этот вопрос остается открытым и дискуссионным, высказывается мнение, которое мы не можем не учитывать, что звук может обладать «языковой иконичностью и изобразительностью» (Н. Б. Мечковская) в рамках вопроса изучения семиотического континуума [6, с. 147]. Анализ считалок, которые в основной своей массе имеют именно рифмованный характер, подтверждают данный вывод.

Менее дискуссионным является вопрос о звукоподражании как одном из классов языковых иконических знаков. Он особенно распространен в раннем возрасте ребенка, когда тот еще только начинает осваивать процесс оперирования словом. Он может подражать звукам животных (мяуканье кошки, гавканье собаки), людей, предметов (звук

мотора, сверла). Например, звукоподражание «мяу-мяу» выступает знаком кошки.

Семиотическая составляющая обнаруживается в *прозвищах* – еще одном элементе обыденного уровня. В его основе лежит процесс «наречения» новым «именем»-символом или «именем»-образом. Неопрятному ребенку может быть дано прозвище (имя-образ) «Хрюша», хотя оно же может обозначать того, кто повторяет все за тем, кто не имеет собственного мнения (имя-символ): «Дядя Хрюша – повторюша // Всю помойку облизал // И «спасибо» не сказал».

Детское *коллекционирование* также обладает семиотической составляющей. Ребенок вкладывает особый смысл в вещи, которые в своей основе представляют вышедшие из употребления, сломанные или отдельные части чего-либо. Например, единую целостность для него могут иметь: заплесневевшая ветка рябины, несколько монет, пара пластмассовых крышек, дужка очков и пр. Почему они ему так дороги? Это вещи, которые, согласно концепции М. В. Осориной, потеряли в мире взрослых актуальность, востребованность и перешли в детский, пройдя этап «ничейности», символ которого в рамках субкультуры детства – отхожие места (мусорные баки, корзины и т. п.) (см.: [8, с. 115-125]). Думается, что связующим звеном, основой этой коллекции выступают не некие классификационные признаки, а общая принадлежность – «мое». В процессе такой трансформации объекты меняют и свою семиотическую составляющую. Кроме того, как правило, каждая вещь имеет историю: ребенок может рассказать, где и как получил ее. Ранее цитировавшийся Р.Л. Стивенсон в стихотворении «Мои сокровища» писал: «Те орехи, что в красной коробке лежат, // Где я прячу моих оловянных солдат, // Были собраны летом: их няня и я // Отыскали близ моря, в лесу у ручья» [10, с. 496]. Также вещь выступает символом какого-либо его качества, благодаря которому она была получена. Например, твердости, выносливости, стойкости: «…Этот камень большой, с разноцветной каймой // Я едва дотащил, весь иззябнув, домой; // Было так далеко, что шагов и не счесть… // Что отец не тверди, а в нем золото есть!» [10, с. 496].

Коллекционирование определенных вещей (фигурок, наклеек, монет и пр.), носящее длительный характер, выступает символом целеустремленности, последовательности, настойчивости.

Рассмотренный компонент, как можно видеть, связан и с таким элементом детской практики, как *экологический опыт*, который сопряжен с познанием природы. Ребенок учится видеть и понимать при*знаки* каждого сезона, месяца, времени суток. Например, начинающие желтеть листья, холодные ночи в августе – свидетельствуют о приближающейся осени, тогда как ее символом выступают желто-бордовые кроны деревьев, листопад, отлет птиц на юг. Такие базовые понятия являются необходимыми в формировании правильного миропонимания.

Экологический опыт приобретается и в наблюдении за животными и / или контакте с ними. Одним из основных выводов такого взаимодействия должно стать понимание ценности жизни, сохранения ее любому живому существу, любви и заботы. В процессе усвоения запоминается и присущее данной культуре зооморфное выражение человеческих качеств: собака – как символ верности, лиса – хитрости, заяц – трусости и пр.

Здесь же можно упомянуть геральдику, поскольку ряд гербов имеет изображение животных, как правило, обитающих на данной территории и несущих определенное смысловое значение (знаки-символы).

Наглядным выражением присутствия семиотического компонента является детская картина мира, опредмеченная в рисунках (компонент – *эстетика*). Ее характер меняется с возрастом ребенка, как и используемые элементы. В раннем детстве, когда графические навыки не развиты, они больше носят именно символьно-знаковой характер, что взрослому человеку сложно «расшифровать». Преобладают точки, линии, подобие геометрических фигур. Далее он учится условно передавать образ – им схватываются основные признаки, черты изображаемого предмета (рис. 2 (Кирилл А., 1 год 9 мес.)).

Рисунок 2

Таким образом, семиотический компонент присутствует во всех элементах обыденной практики детства как одного из уровней субкультуры детства. В совокупности они образуют семиотический универсум или, согласно концепции Ю. М. Лотмана, семиосферу пространства детства.

Литература

1. Борисов С. Б. Русское детство XIX-XX вв. Т. 1: А. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 832 с.
2. Детское движение в Тамбовском крае (1914-1945 гг.): сборник документов / под ред. А. А. Слезина. Тамбов: Грамота, 2017. 724 с.
3. Лосев А. Ф. Логика символа // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 247-274.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
5. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 211-225.
6. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2004. 432 с.
7. Никитина Е. С. Семиотика. М.: Академический проект: Трикста, 2006. 528 с.

8. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2010. 368 с.
9. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Академический проект, 2013. 805 с.
10. Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Терра, 1993. 560 с.
11. Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.

Suvorkina E. N.

SEMIOTIC COMPONENT IN THE EVERYDAY PRACTICE OF THE SUBCULTURE OF CHILDHOOD

The article analyzes the semiotic component in the structural elements of one of the two morphological levels of the childhood subculture – the everyday level, which is created by the child's activity. The totality of the symbolic-symbol systems of each unit forms the semiosphere of the childhood space.

Key words: *subculture of childhood, childhood, child, morphology of childhood subculture, everyday level, game, rule-making, semiotics, sign, semiosphere.*